

Один только закон ругается и грызет зубы, закрывая глаза и не видя Чу.

Это равновесие - его жизненный ресурс. Это ресурс, на который небесная семья потратила ужас. Оно жертвует количеством жизней, о которых вы не знаете, и вы не знаете, сколько энергии вы потратили. Потребовались тысячи лет, чтобы сделать рождение 'Тяньцзы' для его судьбы. Тело выковано!

Такое тяжелое сокровище, силу можно назвать бесконечной, а культивирование одного лишь закона может дать лишь десятую часть силы.

Чу Юй хочет украсть его натальное устройство? Ха-ха!

Один лишь закон довольно непреклонен!

Хоть сердце и екнуло, догадка не очень хорошая, но закон один может умереть, а отдать собственную жизнь Чу невозможно.

Лицо Чу Юя было мрачным, а характер молодого господина семьи Чу, родившегося в Ганьчжоу, вот-вот должен был вырваться наружу. Кроме того, кроме пирога молодого мастера, его изначальный характер не очень хорош! Это первый класс в мире!

Красный-красный меч горел тлеющим огнем, и ледяной тлеющий тлеющий метод плоти и крови, замораживая его кровь, и колоть высшую боль души, пусть закон открыто открыл рот и дал резкий Miserable!

Закон и не мечтал, что в мире будет такая боль!

"Это, это..." Закон посмотрел на меч в руках Чу.

"Ничего!" Чу прищурился и уставился на лоб, на котором выступил холодный пот. Он самодовольно улыбнулся: "Этот меч называется "Ничто!"

Чу Тянь взглянул на красно-рыжий меч в руках Чу, которому давно казалось, что меч Чу Юя обладает странным, бесконечным, безграничным, inferнальным адом? Чу Тянь вздохнул в своем сердце, его брат, его брат, его путь не прост!

Позади Чутиана, за тяжелым нефритовым экраном, вдруг раздался кашель, притворно низкий.

Чутянь остановился, встал и обошел широкий экран. Он увидел, что там стоят хитрые и подлые, пробираются сквозь щели в экране и тайком подглядывают за законом и Доджем в главном зале. рифма.

"Фиолетовый..." Чу Тяньган открыл рот и увидел, как Цзычен воздвиг палец и поместил его перед своими губами. Он поспешно понизил голос и прошептал, "Что ты здесь делаешь?"

Из фиолетовых соболиных рукавов вылетели фиолетовые наручники, которые превратились в фиолетовое великолепие, окутавшее два тела и изолировавшее голоса обоих. Вздохнув, он указал на закон и прошептал: "Этот парень, ты вернешь его, но у тебя будут неприятности".

Не дожидаясь, пока Чутянь откроет, Цзы Яньшэн махом произнес: "Когда-то я украл сап, а ты лишил его жизни, дал ему выйти. Но ты вернул его к жизни. Что?"

Чу Тянь внезапно посмотрел на Цзы Яньшэна.

Цзы Яньшэн беспомощно развел руками: "Убить, конечно, не могу. Он один из единственных трех "Тяньцзы" поколения Клапана, если ты убьешь его, старые и мертвые Клапана, безусловно, независимо от тактики, подписанной Дядей А и Четырьмя Духами, сойдут с ума и войдут в Звезды, чтобы отомстить."

"Позволить ему уйти?" Чу Тянь беспомощно посмотрел на Цзы Яньшэна.

Хотя я не знаю, что сказал Цзы Яньшэн, сколько лет правителям, но подумайте о террористическом давлении, которое однажды оказал на него Цзы Ваньчжун. Чу Тянь смутно подумал, что этот парень не сможет его сдвинуть с места.

"Пусть он уйдет, нет!" Цзы Янь смотрел на Чу Тяня со скорбным лицом: "Так много людей видели, как его поймали твои устрицы. Эй! Небесное существо - это самое важное лицо, так как по закону клапан "император", фактически Стал пленником духовной преданности, и по одному только закону весь безветренный каньон должен быть вымыт в любом случае, чтобы смыть этот позор. Так что о последствиях того, что ты его отпустишь, ты тоже можешь подумать".

"Убить не могу, не могу положить, тогда..." Чутянь очень невинно посмотрел на Цзыянь.

"Я не могу сказать четко, но в это время нет никакой возможности появиться с тобой!" Цзы Яньшэн беспомощно вздохнул: "Если в то время, ты просто пристегнешь его жизнь, пусть И даосский стишок не в ходу... Небожитель - самое главное лицо, он постарается вернуть натальное устройство, а эту вещь, он хорошо прикроет, не даст другим узнать."

"Значит, если я просто вычту его натальное устройство, у нас не будет проблем". Чу Тянь посмотрел на Цзы Яньшэна и беспомощно рассмеялся.

"Но теперь, его поймал ты, твой второй брат, и сделал с ним эти вещи, эй, эй!" Цзы Яньшэн беспомощно посмотрел на Чу Тяня: "Дай-ка я подумаю, как мне закончить?" Я был убит устрицами, и меня забрали. Серьезность этого дела разная, и последствия определенно разные."

Беспомощно вздохнув несколько раз, Цзы Янь прищурился и посмотрел на закон и даосский стишок через щель экрана.

После долгого-долгого раздумья Цзы Яньшэн покачал головой и изрек: "Я не знаю, что делать. Правила народа Тянь очень странные, так и вьются вокруг да около. В любом случае, это головная боль. Однако, в любом случае, закон сам по себе не может Убить, и даже если это наказание, лучше не быть слишком чрезмерным."

Чу Юйчжэн "хихикнул", улыбнулся, используя меч, чтобы срезать слой кожи на корточках одного только закона, призывая закон выдать секрет ритуала небесного оружия. Закон закричал, но отказался произнести хоть слово.

Однако Чу Тянь также видел, что смысл претензий одного лишь закона был слишком силен, и это должно быть решено после падения идеи.

"Не могу убить!" Чу Тянь беспомощно вздохнул.

"Не могу убить!" Цзы Яньшэн беспомощно посмотрел на Чу Тяня: "Это негласное соглашение между небесами и духовным миром."

Неважно, как сильно сражаются две стороны, безопасность небесного "Тяньцзы" и духовного "духа" должна быть получена каждым. Защита. Это мертвая линия. Кто осмелится нарушить ее, обе стороны объединят усилия, чтобы убить его".

Чу Тянь внезапно почувствовал сильное давление, он даже посмотрел на Цзы Яньшэна: "Небеса и духовный высший уровень, у них действительно есть такое молчаливое понимание?"

Цзы Яньшэн медленно кивнула и вздохнула: "Небеса и духовность... Есть так много невыразимых вещей. Эй, хотя те, кто стар и мертв, сделали все возможное, чтобы собрать все следы, но кто я? Ах, эти старые книги и тайные комнаты, я не знаю, сколько раз я туда заходил. Там всегда есть невыразимые вещи, а я их ясно вижу!"

Чутянь посмотрел на кричащую скорбь, свирепый смысл в скорпионе становился все более и более верным законом, и вдруг в его сознании произошла вспышка света.

Он нерешительно посмотрел на Цзы Яньшэна и медленно сказал: "Если ты говоришь, что если мы отдадим закон другим, то мы отдадим его кому-то другому?"

"Кому? Огненному Павлину? ХОРОШО!" Цзы Янь распахнул брови и посмотрел на Чу Тяня. Большой складной веер в его руке хлопнул по плечу Чутяня: "Хорошая идея, пусть закон останется в покое, даосский стишок Дайте огненного павлина и пусть она научит огню верхний танк. Это самое лучшее".

Цзы Яньшэн улыбнулся почти как клешня, а Чу Тянь - как хлопок, прошептал: "Я сказал, передается огонь Луочао!".

Улыбка Цзы Яньшэна вдруг стала застывшей, а все лицо стало вялым.

"Страшно, скучно!"

<http://tl.rulate.ru/book/5788/2233540>